

Владимир Авдеев

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН ДЖОНА РЭНДАЛЛА БЕЙКЕРА

Предисловие к книге Джона Бейкера «Раса. Взгляд белого человека на эволюцию». Издательство: АСТ, ISBN 978-5-17-087213-8, 2015 г.

Роман имеет поэтическое сходство с английским парком, так как в нем не может быть ни одного слова низкой природы.

Новалис

Физическая антропология, как и другие науки, претерпела в XX веке коренные изменения, а корпус фундаментальных источников, на которых она зиждется, весьма внушителен. Но, в любом виде целеустремленной человеческой деятельности на общем фоне традиционных добросовестных работ время от времени возникают прекрасные образчики мысли, которые изменяют вектор развития конкретной науки на десятилетия вперед. Но существует самая редкая группа научных творений, которые, помимо научной ценности, обладают еще и несомненной ценностью эстетической, а также мировоззренческой, поскольку несут на себе печать уникального дарования автора, не помещающегося ни в какие рамки цеховой солидарности собратьев по академическому Олимпу. Львиная доля современных научных работ производит впечатление

качественной конвейерной продукции (в чем, видимо, и состоит их прямое назначение), при этом лишенной печати Божественного вдохновения. Но периодически в безмятежные заводы научных сообществ вторгаются гениальные самозванцы, которые, не спросив ни у кого разрешения, вместо стандартного изделия, словно в насмешку над общественным мнением, создают шедевр. В науке, так же как и в искусстве, есть место эстетическому подвигу, ибо высота стиля творения определяется высотой умственной организации творца.

Данное правило в полной мере относится и к области физической антропологии, которую абсолютное большинство обывателей считает весьма скучной и совершенно не заслуживающей никакого внимания. Английский биолог, имеющий классическое образование Джон Р. Бейкер, John Randal Baker (1900-1984) в эпоху расцвета товарно-денежных отношений вместо объемного компендиума со множеством статистических таблиц и графиков вдруг написал практически художественное произведение на основе реальных фактов. И хотя это совершенно научная работа, написанная по всем канонам жанра, но манера подачи материала и сам язык невольно вынуждают нас сравнить ее с настоящим романом. Это занимательное остросюжетное чтение с переплетающимися линиями судеб главных героев и неожиданными интригующими поворотами сюжета, описаниями характеров, волею обстоятельств, подверженных драматическим испытаниям. При этом вместо отдельных персонажей перед нами предстают самые большие эволюционно-биологические сообщества людей – расы, в чем и состоит уникальность неординарного сочинения. Книга Бейкера «Раса», изданная впервые в 1974 году, сегодня является почти культовой работой для всех, кто в той или иной степени изучает многообразие человеческого рода.

Советская антропология при всех своих очевидных успехах и заслугах, тем не менее, упорно не замечала данное творение, постсоветская наука, не избавившись от груза идеологических догм, увы, продолжает эту печальную традицию. Поэтому и самые широкие круги читающей публики у нас в стране не имеют возможности ознакомиться с сочинением, представляющим собой яркий образец научного мировоззрения, которое называется биологический детерминизм.

Молодые годы. Оксфорд

Джон Рэндалл Бейкер родился 23 октября 1900 года в г. Вудбридж, графство Саффолк, став младшим из детей в семье, где было три девочки и два мальчика. Все выдающиеся позитивные качества он унаследовал от своих родовитых и титулованных предков. По отцовской линии их род происходил от адмирала Джулиана Эллейна Бейкера и его супруги, представительницы высшего британского общества, Джеральдины Эуджени. По материнской линии его дедом был генерал Сэр Арчибальд Элисон, который служил во время Крымской

кампании, участвовал в подавлении индийских мятежей, а также был заместителем главнокомандующего во время экспедиции в Ашанти в Западной Африке в 1873 году; в 1882 году он командовал горной бригадой в битве при Тель-эль-Кабире, победа в которой оказала решающее влияние на исход всей Египетской кампании. Генерал был прямым потомком рода Элисонов, генеалогия которых при породнении с родом Грегори стала предметом рассмотрения основоположника евгеники Сэра Фрэнсиса Гальтона в его главном сочинении «Наследственность таланта», как пример одаренности в пятом поколении.

Когда Джону было шесть месяцев, его семья перебралась в провинцию, чтобы жить в своем родовом имении – Роуден Хаус, возле Бромгарда, графство Херефордшир. Здесь он провел счастливое беззаботное детство на природе под опекой обоих родителей, а также его любимой няни Элизы Роулингс. К числу его самых ранних интересов принадлежало скрупулезное фиксирование времени прилета весенних птиц. С самого раннего детства будущий ученый любил буквально все подвергать измерениям и аккуратному протоколированию. Известно, что его глубокий предок Сэр Ричард Бейкер еще в начале XVII века за такие же склонности характера получил прозвище «хроникёр». Как видим, наследственность таланта налицо.

В возрасте десяти лет Джона определили в частную школу, где со всей ясностью обозначилось его увлечение биологией. По совету старшего брата Сэма он занялся более серьезно, многим ему помог и старший кузен Гилберт Борн, Gilbert Bourne, который впоследствии стал профессором зоологии и сравнительной анатомии в университете Оксфорда. Однако драматические события Первой мировой войны нарушили эту безоблачную идиллию, и в возрасте шестнадцати лет мужаящий Джон, движимый патриотическим порывом, поступил в школу летчиков в городе Браунеморт. Здесь он получил сертификат пилота, но не был зачислен в Королевский летный корпус, по причине слабого зрения. Тогда один его родственник предложил Джону поступать в Новый колледж при Оксфордском университете, где сам читал курс зоологии. Последовав его совету, молодой Бейкер поступил туда в 1917 году. Кафедра зоологии и сравнительной анатомии в то время была совсем небольшой. Зоологическая лаборатория и другие лабораторные помещения располагались в старом здании музея. Одним из первых лекторов Джона Бейкера стал всемирно известный ученый Сэр Джулиан Гексли, Sir Julian Huxley (1887-1975), благодаря энтузиазму которого площадь этих помещений была значительно увеличена. Гексли был колоритной фигурой и буквально завораживал студентов. Началось углубленное изучение Джоном морфологии и сравнительной физиологии организмов, и этот экспериментальный опыт наложил характерный отпечаток на все дальнейшие работы Бейкера как ученого.

Другой преподаватель Е. С. Гудрич, E. S. Goodrich (1868-1946) старательно развивал в студентах реалистическое чувство факта. Биологические исследования на клеточном уровне тогда только начинались, для чего требовалась

известная толика абстрактного мышления. Дружественные, доверительные отношения между преподавателями и студентами не только не возбранялись, но и приветствовались, что напоминало обстановку английского клуба. Среди преподавателей особо выделялся Джон Холдейн, John Haldane (1892-1964), блестящий математик, который впоследствии в значительной степени создал математический аппарат для генетических расчетов. Охват изучаемой студентами проблематики был очень широким: эмбриология, экология, энтомология, поведение животных, физиология, генетика, морская биология. Весь методический аппарат применяемый при изучении царства животных Бейкер перенес на исследования природы происхождения человеческих рас. В соответствии с английскими традициями, будущие светила науки много времени уделяли физкультуре и спорту. Джон лихо гонял на своем мотоцикле, был капитаном команды гребных лодок Нового колледжа и неоднократно выигрывал университетские соревнования. Все эти факторы воспитания и образования, несомненно, выкристаллизовали качества характера, которые впоследствии ему пригодились. Здесь же Джон научился общению с лаборантами, которые выполняли множество черновой работы, но успех крупных открытий без их подденного, подчас незаметного, труда также был невозможен. Среди них тоже попадались колоритные фигуры, с которыми он установил самые теплые отношения на всю дальнейшую жизнь.

Становление мастера

В 1922 году под руководством профессора Т. Т. Бернарда, T. T. Barnard, Джон отправился в свою первую антропологическую экспедицию на Новые Гебридские острова в Тихом океане. Финансовую поддержку проекта осуществляли родители, а также научные академические фонды и частные организации. Для молодого биолога было очень важно перенестись из тиши лабораторных кабинетов в дикий тропический лес, чтобы увидеть и понять настоящую жизнь, а также осознать, в окружении какой флоры и фауны существует и формируется реальная человеческая раса. Это был поистине бесценный практический опыт. Достаточно сказать, что на многие недели единственным средством утоления жажды для него была дождевая вода, которую он собирал с банановых деревьев. Конечно же, это составляло большой контраст с аристократическим родовым жилищем ученого. Именно здесь Бейкер впервые заинтересовался вопросами репродукции животных и растений, перенеся впоследствии эти свои первые наблюдения на изучение человеческих рас. Натурные эксперименты и исследования легли в основу его фундаментальных представлений о биологических процессах, регулирующих основы расогенеза. В дальнейшем им было сделано множество открытий в области эволюционной теории пола. По возвращении из экспедиции он женился в 1923 г. на Инезите Хильде Дэвис, Inezita Hilda Davies. Молодая семья поселилась в Северном Оксфорде, где в 1926 году родилась их дочь Венис Ина, Venic Ina, а в 1931 – сын Гилберт

Сэмюэль, Gilbert Samuel. В 1936 году они переехали в поместье Бёрн Оак в нескольких километрах от Оксфорда.

В 1924 году Джон Р. Бейкер основал Общество Экспериментальной биологии (Society of Experimental biology) и издал свою первую монографию «Пол у человека и животных». К этому периоду относятся его первые серьёзные работы в области цитологии. Кроме того, он существенно усовершенствовал методику практической исследовательской работы с микроскопом, за что получил несколько патентов на изобретения.

В 1927 году ученый предпринял очередную экспедицию на Новые Гебридские острова, где, помимо сугубо антропологических исследований, начал уже заниматься системой организации каст у местных аборигенов и впервые заинтересовался вопросами евгеники, тем более что его мать звали Евгенией, как он сам любил подчеркивать. За проведенную там работу в 1938 году он был удостоен Медали Оливера Бёрда от Ассоциации планирования семьи.

Из второй экспедиции Джон Р. Бейкер привез богатейшую коллекцию экспонатов, на основе которой создал монографию «Человек и животные Новых Гебридских островов», опубликованную в 1929 г.

В 1928 году он получил степень Доктора философии в Оксфордском университете. В 1933 году вышла его фундаментальная монография «Цитологическая техника», в которой обосновывались новые принципы исследования биологических процессов на клеточном уровне. Книга выдержала пять изданий, в том числе одно так называемое «пиратское» в Китае.

В 1933 году Оксфордский университет организовал третью экспедицию на Новые Гебридские острова, в которой Джон Р. Бейкер также принял самое деятельное участие. Она была более масштабной и хорошо организованной, помимо других объектов, исследованию подверглась крупнейшая гора (1888 метров над уровнем моря), на которую местные аборигены ни разу не забирались. В покорении горы приняли участие учёный и его супруга. Следует отметить, что во время Второй мировой войны американская армия при оккупации Новых Гебридских островов использовала топографические карты, составленные Бейкером, которые первоначально были опубликованы в 1935 году. В 1937 г. также в составе экспедиции, он посетил остров Цейлон. Очевидные научные успехи были омрачены его разводом с женой. Однако счастье в личной жизни вскоре улыбнулось ему вновь.

Республика науки

Теперь нужно отдельно рассказать еще об одной стороне жизни Джона Рэндалла Бейкера, без которой его портрет как исторической личности будет не просто неполным, но даже во многом не верно трактуемым. Речь идет о его

публичной деятельности и гражданской позиции, без которых главная мотивация к написанию книги «Раса» будет совершенно не понятна.

С окончанием Первой мировой войны влияние интеллектуалов на общественно-политическую сферу жизни мирового сообщества стало стремительно возрастать. Государственные лидеры многих стран старались заручиться моральным авторитетом деятелей науки и искусства для того, чтобы сделать тот или иной политический режим более привлекательным. Например, Сталин в 20-30-е годы приглашал множество видных западных политиков и деятелей культуры, которым показывали фасад возглавляемого им режима, чтобы они могли донести до мировой общественности свои восторги по поводу мироустройства первого пролетарского государства и счастливой жизни людей, занимающих в нем самые разные ступени социальной лестницы – от академика до простой доярки. Но разгром генетики в СССР, а также преследование ученых из других областей науки и техники, многие из которых имели международный авторитет, не могли не пройти незамеченными, так же как и репрессии, обрушившиеся на головы элиты деятелей искусства. Западная система ценностей, ставящая выше всего индивидуальную свободу человека и, в первую очередь, свободу творческого самовыражения, окончательно вошла в конфликт с системой командно-административного управления интеллектуальной и духовной жизнедеятельностью советского общества. Постепенно опьянение «гуманным» обликом Советского Союза стало проходить, и западные интеллектуалы стали понемногу прозревать.

В современной отечественной, равно как и в советской, историографии главным инициатором развязывания «холодной войны» принято считать Уинстона Черчилля. Но это крайне однобокая трактовка событий, так как на самом деле возникновение идеологического противостояния систем инициировал «разгул лысенковщины». С откровенной дикостью большевистской пропаганды уже было нельзя мириться, тем более, что она насаждалась крайне агрессивными методами. Не последнюю роль в распространении коммунистической идеологии играл Коминтерн – открытая террористическая организация по меркам сегодняшнего дня. Уинстон Черчилль, которого отечественные обществоведы до сих пор обвиняют чуть ли не во всех смертных грехах, был секретарем на Первом международном евгеническом конгрессе, который проходил в 1912 году в Лондоне. Он прекрасно понимал, какое влияние оказывает состояние развития биологических наук на выработку общественного мнения и на формирование государственной идеологии. Поэтому разгул «лысенковщины» и арест Николая Ивановича Вавилова, пользовавшегося огромным авторитетом в свободном мире, окончательно расставили все акценты в смысловом поле идеологических понятий той эпохи, а пакт Молотова-Риббентропа сделал процессы сепарации идеологических доктрин необратимыми. И если еще в середине 30-х годов западные журналисты осмеливались писать о «воинствующем антиинтеллектуализме Сталина», то в конце 30-х годов в западном сознании он уже прочно получил образ «вождя тоталитаризма».

На этом фоне в 1939 г. Бейкер издал книгу «Социальная функция науки», в которой аргументированно на мировоззренческом уровне доказывал ценность свободы в науке, как неперемное условие прогресса. В том же году крупный английский ученый венгерского происхождения Майкл Полани, Michael Polanyi (1891-1976), издал книгу «Права и обязанности науки», которая была всецело посвящена той же проблеме. Осознавая полное тождество убеждений и всю опасность внешнеполитической ситуации, оба автора быстро пришли к соглашению и организовали Общество за свободу в науке (Society for Freedom in Science). Авторитет обоих позволил им привлечь еще множество ученых к этой инициативе, а теоретические работы легли в основу уставных документов Общества, членство в котором автоматически подразумевало уважение к ценностям чистой науки, лишенной политических искажений. С целью пропаганды деятельности Общества Бейкер издал две программные работы «Научная жизнь» (1934) и «Наука и плановое государство» (1939), а Полани – свою монографию «Анатомия науки» (1938), в которых авторы доказывали, что планирование в науке тяжким бременем ложится на государство, а разгром генетики в СССР – прямое следствие подобного рода идеологических извращений. Бейкер активно использовал материалы советских источников, чтобы показать всю чудовищность положения дел в науке, всемерно защищал Вавилова и разоблачая Лысенко.

В ноябре 1940 года Бейкер обратился к 49 крупнейшим ученым Великобритании с предложением вступить в организованное ими Общество. «Ученые, существующие в условиях нетоталитарных режимов, должны вступить в кооперацию во имя сохранения принципов ценности чистого знания», – писал он в обращении, где четко указывалось, что на текущий момент наибольшую угрозу идеалам либерализма в науке представляют как нацизм, так и коммунизм. Первое собрание Общества состоялось в марте 1941 года, и на нем было заявлено, что либеральное британское общество не обладает достаточным иммунитетом против опасностей тоталитаризма. В «Обращении к новым членам Общества» рекомендовалась целая программа индивидуальных действий с целью повышения эффективности всей инициативы и влияния на общественное мнение. В «Бюллетене Общества» регулярно давалась реклама новых публикаций ученых, в него входящих, с целью поддержания духа морального единства и совершенствования корпоративной этики и кооперации. «Никакой политической контроль в науке недопустим. Религия исчезает во время религиозных войн, так же и наука исчезает во время баталлий в научном корпусе», – подчеркивал Бейкер. Противостояние любым формам государственного или правительственного регулирования было главной задачей Общества, поскольку, любые виды коллективизма и социализма убивают саму идею свободы в науке. «Сталинский режим, несомненно, более дьявольский, чем режим Гитлера. Разгром генетики в СССР – наглядное подтверждение тому, что может сделать тоталитаризм с наукой, если подчиняет ее своим догматическим целям. Напротив, в свободном обществе наука задает динамический порядок его развития».

Бейкер выдвинул даже тезис о создании «республики науки», что могло бы, по его мнению, показать действенность демократии. Он уделял много внимания публичной респектабельности Общества и придания ему лоска популярного клуба для истинных джентльменов, что возымело действенный эффект. Если в июне 1943 года Общество за свободу в науке насчитывало 123 действительных члена, то уже в июне 1946 года – 457 членов.

Играя, несомненно, партию первой скрипки в Обществе, Бейкер всячески старался привлечь на свою сторону наиболее ярких представителей научного сообщества. Так, например, известный генетик из Кембриджа Рональд Фишер, Ronald Fisher (1891-1976), явно иронизируя над «мичуринскими» фантазиями Лысенко, в 1948 году опубликовал злободневный памфлет «Какого сорта человек Лысенко?», в котором открыто писал: «Прославившийся атаками на генетиков, этот экстравагантный мыслитель своими идеологическими догмами поддерживает правящий коммунистический режим. Его тексты не имеют никакого отношения к науке, а система доказательств больше напоминает партизанские вылазки, нежели строгую научную дискуссию. Удивительно, что Президент Академии наук не старается задавать хороший тон, а все время показывает зубы. Вся его деятельность наглядно демонстрирует, что это прямой политический заказ Сталина. Основные принципы Менделя и Моргана в изложении Лысенко искажены до неузнаваемости и представляют собой не отражение действительности, а смесь метафизики и безудержного идеализма. Сам Великий Инквизитор не отважился бы поддерживать ересь такого рода, основанную на болезненном стремлении Лысенко к ничем не ограниченной власти. Его триумфальная карьера в Стране Советов тому наглядное подтверждение».

Тяжеловес на ринге биологии

Однако, вопреки заявлениям о начале «холодной войны», в середине 50-х годов в Великобритании началась новая волна заигрывания с Советским Союзом. Даже Черчилль пребывал в шоке, когда советские физики Капица и Иоффе получили возможность работать в Великобритании. Это безусловно нанесло большой урон репутации Общества. В 60-е годы английское, да и в целом западное, общество «поледело» еще больше, что повлекло в дальнейшем к закату деятельности Джона Р. Бейкера на этом поприще. Идеи культурного большевизма и анархизма, точно ржавчина, разъедали культурно-историческую основу западной цивилизации и Общества за свободу в науке с его духом элитарного индивидуализма. Многие члены Общества почувствовали бессилие своего президента – потомственного аристократа – в обстановке разгула страстей новоявленной демократии, которая уже готовилась вытечь нечистотами «современного искусства» в сточную канаву политической корректности. И эта последняя сотворила то, что не удалось ни нацизму, ни коммунизму: она добила свободу научного творчества, раздавая степени и гранты только угодным и послушным. Критика планирования в науке, которой Бейкер отдал столько сил, постепенно вышла из моды, а впоследствии и вовсе стала

рассматриваться как пережиток прошлого. Многие научные общества переходили на государственное финансирование, а также попадали в зависимость от частных фондов, даже уже не считавших нужным камуфлировать свое дирижирование наукой. Первым скупать науку на корню целыми отраслями начал фонд Рокфеллера, о чем красноречиво писал в своих мемуарах известный советский генетик Тимофеев-Ресовский. Наука перестала быть уделом свободных смельчаков, действующих, подобно средневековым рыцарям, на свой страх и риск. Постепенно дух благородства и аристократизма оценок выветрился окончательно.

Лысенковщина, преданная порицанию у себя на родине в СССР, самым поразительным образом ожила и стала развиваться в странах Запада. Концепции моногенизма и происхождения современных человеческих рас от так называемой «африканской Евы», проплаченные частными фондами, находящимися «на привязи» у банковских ростовщиков, казавшиеся, хотя и вздорными, но оригинальными идеями еще несколько десятилетий назад, стали обретать статус непреложных истин, без присяги которым нельзя было и мечтать не только о мантии академического ученого, но даже просто о высшем образовании.

Бейкер предпринял обходной маневр, который, как ему казалось, спасет авторитет Общества, и с новой очередной попытки был принят в 1958 году в Королевское общество, ибо предыдущие провалились по инициативе большинства неомарксистов, «засевших» в Ученом совете. «Добрая старая Англия» стремительно уходила из-под ног в пучину антикварной безвестности. Бейкер в очередном послании к Обществу писал о «политической тирании лысенковщины в Великобритании» и «засилье тирании под личиной либеральных масок». Он утверждал, что даже лингвистический уровень текстов в научной среде стал стремительно меняться в сторону откровенной деградации. «Здесь главенствуют не законы науки, а догматы Маркса и Ленина. Со времен суда над Галилеем сами принципы свободной науки еще не подвергались такому публичному поруганию. Создается впечатление, что даже у нас школьные учебники переписываются по указке Центрального Комитета Коммунистической партии из Москвы. Преступления Гитлера против свободы и здравого смысла уже не кажутся столь абсолютными».

Многие публичные и весьма остроумные замечания Бейкера вновь приводили к нему сторонников, и количество членов Общества достигло даже 600 человек. Оно опубликовало несколько памфлетов о состоянии дел в советской науке с выдержками из газеты «Правда». В своих выступлениях по радио Би-Би-Си Бейкер обещал раздавать советские газеты бесплатно всем сомневающимся в том, что такое действительно может быть. Это были блестящие акции настоящего шоумена от науки, неизменно державшегося с достоинством английского лорда. «Я никогда не смогу относиться с искренней симпатией к людям, которые еще вчера клеймили Лысенко вместе со мной, а сегодня попались в его романтические поклонники. Это по меньшей мере нетактично –

иметь такую короткую память о самих себе. Не забывайте также, что люди, имеющие хорошую память, просто перестанут субсидировать наши исследования». Его регулярные комментарии к трудам советских генетиков были выдержаны в духе сдержанной язвительности классических английских салонных романов. «Ценою невероятных усилий и бдительной предусмотрительности мы лишь дважды попали в неудобное положение: первый раз, когда начали всерьез изучать научный коммунизм, а второй – когда первый раз перевели Лысенко на английский язык».

Ситуация во время публичных диспутов накалялась до такой степени, что Бейкер начал всерьез задумываться над исследованиями в военной области, и в первую очередь – о ядерных разработках, чтобы активнее влиять на внешнюю и внутреннюю политику. Пошатнувшееся финансовое положение Общества в обстановке непрекращающихся затяжных идеологических боев привело к тому, что число его членов резко упало до 200, а потом и до 190 человек. Бейкер был вынужден пускаться в различные финансовые аферы, буквально торгуя членством в нем за смешные деньги, что, конечно, не добавляло ему престижности. Общество оказалось втянутым даже в несколько международных скандалов со шпионским оттенком во время участия в различных конгрессах. Впрочем, на одном из них, где участвовали люди искусства в защиту свободы творчества, Бейкер завел самую искреннюю дружбу с известным русским иммигрантским писателем Владимиром Набоковым. Еще в середине 50-х. Общество стало поддерживать забастовки учителей в разных странах по любому поводу, участвовало в конгрессах за свободу в культуре, выпустило красочный буклет, в котором призывало мировую общественность к реформе ЮНЕСКО, аргументируя это тем, что его руководство утверждает равенство происхождения всех рас, и становится очевидным, что в штате этой организации нет ни одного биолога.

Позднее Бейкер писал одному своему другу: «Би-Би-Си выставила нас в таком свете, что мы провозглашаем превосходство одной расы над другой, хотя мы ни разу не вторгались в сферу правоповедения, а говорили лишь о биологических аспектах культурного сосуществования рас». Публичные симпатии Бейкера к евгенике только подлили масла в огонь. Философский базис Общества более не согласовывался с политической ситуацией в мире, и в 1962 году оно уже стояло на грани распада, окончательно самораспустившись в мае 1963 года. В последнем официальном документе Общества за свободу в науке его основатель и бессменный лидер писал, что «не вправе требовать от ученых членства в Обществе, так как оно не в состоянии выполнять ту миссию, которая на него была возложена». Бейкер был истинным джентльменом науки и остался им в неджентльменскую эпоху.

Сквозь войну к семейному счастью и «Раса»

Рассмотрев внешнюю общественную позицию ученого в совокупности с его гражданскими принципами, вновь вернемся к его личной биографии. Ведь только через призму описания семьи и творческой лаборатории можно приоткрыть завесу тайны над причинами появления столь своевременной и неординарной книги «Раса».

В июле 1939 года Бейкер женился на Елене Сэвидж, *Elena Savage*, в девичестве Эдж, *Edge*. У нее, как и у Джона, это был тоже второй брак, и тоже были дети от первого. Бейкер и не предполагал, насколько круто эта вторая его женитьба изменит его жизнь. Можно предположить с большой долей вероятности, что соединил он свою жизнь с другой избранницей, ему была бы уготована совершенно другая судьба – талантливого, но обыкновенного ученого, каких тысячи, и он никогда не стал бы автором одного из самых грандиозных сочинений по физической и эволюционной антропологии. Муза-воительница, поведшая его по пути самых уникальных и, вместе с тем, авантюрных открытий, неустанно укреплявшая его в отстаивании высоких идеалов свободы в науке, была родом из России. Она родилась в городе Гусь-Хрустальный в семье английского инженера, приглашенного сюда работать по контракту на хлопчатобумажную фабрику. Инженер был родом из Ланкашира, откуда приехал со своей английской женой, пустив корни в русской глубинке. Их дочь Елена родилась в 1895 или 1897 году и училась в московской гимназии, а ее первым и родным языком стал русский. Как и многие интеллигентные люди, она не приняла революцию в России, насмотревшись на зверства большевиков, и эмигрировала на историческую родину, где вышла замуж за Дугласа Альфреда Сэвиджа, *Douglas Alfred Savage*. Кстати, современный английский ученый Стив Сэвидж, *Steve Savage*, является ее прямым внуком.

Однако этот брак распался, и она вторично вышла замуж за Джона Рэндалла Бейкера в июле 1939 года. Новая семья обосновалась в Кидлингтоне. Красивая и элегантная жена контрастировала с внешним обликом супруга, который при всем изяществе аристократических манер одевался очень просто, чтобы поддерживать себя в форме регулярными велосипедными поездками. На плече у него висела простая армейская сумка с книгами и конспектами лекций по биологии для студентов, в еде он также был весьма невзыскателен. В то время как Лиена, *Liena*, теперь ее звали так на английский манер, любила посещать модные дамские салоны и рестораны на центральной лондонской Пикадилли, где по русскому обычаю лакомилась черной икрой. У них были совершенно несходные темпераменты, но она прекрасно понимала, за личность какого масштаба вышла замуж, сразу взяв фамилию мужа.

Начавшуюся было семейную идиллию прервала Вторая мировая война. Бейкер, используя свой сертификат военного пилота, полученный во время Пер-

вой мировой войны, поступил в Королевские военно-воздушные силы в наземную службу обеспечения безопасности полетов, а, как специалист с блестящим университетским образованием в области химии и биологии, стал экспертом по качеству топлива для военных самолетов. Кроме того, он являлся консультантом по гражданской обороне и продолжал в прежнем режиме свою преподавательскую деятельность в Оксфорде. Ритм жизни превратился в настолько бешено интенсивный, а география перемещений стала столь обширной, что ему понадобилось иметь двенадцать пристанищ для ночлега. Поезд, автомобиль, велосипед – и так все шесть лет войны. И это еще на фоне руководства Обществом за свободу в науке и написании теоретических работ, а ведь он был уже не молод.

По окончании войны Бейкер вновь в гуще событий, инспектируя лаборатории на территории оккупированной Германии. И здесь его поведение истинного джентльмена было на высоте. Борясь с идеологической машиной Третьего Рейха, он никогда не позволял себе переходить на личности. Мало того, проводя в жизнь идеалы свободы в науке, лично устроил в госпиталь на излечение немецкого профессора Гирша, вывезенного в Англию, как это практиковали страны-победительницы в отношении интересующих их ученых. Убедившись в приверженности Гирша тем же идеалам свободы в науке, Бейкер выпустил торжественный бюллетень по случаю семидесятилетия немецкого коллеги.

Мудрая «русская» жена, понимая, что Джон может не вынести таких нагрузок, сделала все, от нее зависящее, чтобы обеспечить своему деятельному супругу надежные тылы, обустроив настоящий райский уголок в поместье Кидлингтон. Она словно сплела здесь защитный кокон, в котором впоследствии и созрел драгоценный плод – книга «Раса». Роскошный парк изобилует множеством экзотических растений, имел ландшафтный дизайн и даже гидротехнические сооружения, которые Лена называла по-русски «запруда». Вообще в имении было установлено своего рода правило: все, что касалось описания предметов обихода, символизирующих тепло домашнего очага, в разговорах непременно озвучивалось на двух языках. А многочисленные гости старательно заучивали те или иные модные словечки на русском. Хотя значительная часть бесед с коллегами сводилась к констатации ужасного положения науки в СССР, идеологическая борьба с коммунизмом и нацизмом не превратила Бейкера в злобного и раздражительного русофоба или германофоба. Днем хозяин поместья любил проводить часы за раздумьями в парке, беспрестанно его совершенствуя, а вечером развлекал гостей домашними концертами, играя на флейте в сопровождении аккомпанирующей ему на фортепиано жены. Он оборудовал в доме большую лабораторию и библиотеку, где были сделаны многие открытия, которые легли в основу формирования сегодняшних норм в экспериментальной биологии. Круг тем исследований был поистине огромен: микробиохимия, молекулярная биология, паразитология, неврология. Кроме того, Бейкер стоял

у истоков электронной микроскопии, за что в 1964 году был избран Президентом Королевского общества микроскопистов. Его современные биографы здесь также усматривают фактор влияния генов, ибо один из предков Бейкера добился больших успехов в совершенствовании телескопа. Вооруженный новыми приборами и знаниями, он предпринял две новые экспедиции в африканскую Уганду в 1957 и 1965 годах.

Но самые его главные открытия были еще впереди, и в мире современной политкорректной науки о них не принято распространяться. Бейкер первым в науке применил технику рентгеновской дифракции, иммунофлюорисценцию, ионолокализацию, стереохимию, энзимологию и расчет молекулярной структуры для анализа расовых различий, чем вывел констатацию наследственных эволюционных различий между основными ветвями человеческого рода на качественно новый и уже совершенно неопровержимый уровень доказательности. До него ученые, как правило, рассматривали лишь описательные признаки рас и изучали группы крови. Американские биографы Бейкера метко заметили: «Он просто показал, как добросовестный ученый с помощью микроскопа может выкрасть у природы все ее тайны о происхождении человека и его рас».

В 1982 году семья Бейкер вернулась в Северный Оксфорд. Выдающийся английский биолог, антрополог и расолог Джон Рэндалл Бейкер скончался 8 июня 1984 года. Участники Международного биологического конгресса, проходившего в Женеве после его смерти, почтили память ученого вставанием и памятной лекцией о его поистине беспримерном жизненном пути в науке, верным рыцарем которой он всегда оставался.

Расология без расизма

Во введении к своей фундаментальной книге «Раса» автор писал, что она предназначена как специалистам, так и неспециалистам, осознавая при этом всю сложность создаваемого им проекта. Как истинный английский джентльмен, Бейкер выразил особую благодарность своей жене, что было не просто красивым великосветским жестом, рассчитанным на читателей, но отражением подлинного положения дел, ибо она была инициатором создания этого шедевра. Если бы не его «русская» жена, Бейкер так и вошел бы в историю как обыкновенный академический ученый, каких тысячи, чьи имена в обрамлении несчетного количества степеней красуются во всех энциклопедиях, но труды которых никто не читает. Именно она настояла на том, чтобы ее муж написал большой обобщающий труд по расовому вопросу в доступной форме. Так зародилась идея этой книги, ставшей впоследствии бестселлером.

Кроме того, поблагодарил Бейкер множество единомышленников, которых в его среде было немало, а также указал все переводы русских сочинений, а их

цитировалось достаточно, были выполнены им собственноручно. Мы уже подчеркивали, что закат жизни английского ученого пришелся на пору, когда наука превратилась в ходовой товар, и, чтобы дистанцироваться от этого конвейерного производства, Бейкер отметил, что сознательно использовал наиболее яркие и впечатляющие иллюстрации из классических книг по антропологии за последние восемьдесят лет, чтобы максимально облегчить усвоение материала. Его коллеги по цеху, занятые преимущественно «грантопоеданием», до такого рода эстетических излишеств в своей деятельности уже не доходили.

Осознавая степень политизированности эпохи, Бейкер отметил, что в его труде нет ничего, что могло бы побудить кого-либо использовать данные научные теоретические выводы в политике. Основной метод исследования был обозначен автором как исторический, но при этом человеческие расы он рассматривал с биологической точки зрения, как и другие группы живых организмов в природе.

Будучи подлинным новатором, он ввел новое понятие этнический таксон, для уточнения принципов классификации рас и максимального отражения всей сложности их вариативности.

Рассмотрение расовой истории Джон Бейкер начинает с древнейших времен, анализируя факты эволюционного процесса, в том числе и на основе древних летописных источников, включая Ветхий Завет. Далее, широко цитируя авторов Нового времени, таких как Руссо, Кант, Дидро, Юм, Вольтер и многих других, он стремится показать, что наиболее проникновенные умы всегда старались проследить в природе человека взаимосвязь между его физическими признаками, психическими кондициями и моральными качествами. Более позднее время Бейкер охарактеризовал как эпоху, в которую были созданы научные расовые теории, на формирование которых оказало огромное воздействие эволюционное учение, статистический анализ и прогресс точных наук.

Не обошел он вниманием писателей и политических философов, таких как Шопенгауэр, Ницше, Трейчке, Шпенглер, Чемберлен, которые в своих работах также неоднократно касались расовой проблемы. Помимо общей эрудиции автора в этом вопросе, становилось ясно, что он мастерски и целенаправленно, как опытный преподаватель, подводит своего читателя к основной теме. И уже, как опытный врач перед началом операции, он словно дезинфицирует свои инструменты, объясняя, что основное понятие «вид», используемое в разных науках, имеет различную смысловую нагрузку, из-за чего чаще всего и возникает путаница, приводящая к досадным злоупотреблениям в политической сфере, когда поднимается вопрос о человеческих расах. Он утверждал, что недопустимо переносить биологические факты в социально-правовую плоскость, что может являться источником всякого рода расистских измышлений.

Систематизировав основные эволюционные аспекты расогенеза, ученый четко конкретизирует: раса и подвид – синонимичные понятия.

Проанализировав проблемы гибридизации и одомашнивания у животных и у человека, на основе общих принципов классификации он приходит к однозначному выводу, что эти факты не доказывают того, что все человеческие расы можно рассматривать как принадлежащие к одному «виду», ибо в природе у животных нигде не наблюдается такого разнообразия в выборе сексуальных партнеров по цвету, запаху и поведению. Именно этот факт и ставит в неудобное положение ученых, вынужденных использовать термин «вид» применительно к человеческим расам, в объединительном смысле, так как сами принципы биологической классификации наглядно опровергают политический тезис о видовом единстве человечества.

«Многих недоразумений, которые возникают при дискуссиях по этническим проблемам, можно было бы избежать, если те, кто намерен изучать человека, сначала получили бы опыт общей таксономии, то есть изучения принципов, используемых для систематического распределения организмов внутри таксона. Здесь необходимо лишь отметить, что существуют человеческие расы, которые настолько отличаются от европеоидной, что это явление должно привлечь внимание любого зоолога или физического антрополога», – утверждает Бейкер.

Цвет внешних покровов, по мнению Бейкера, является одной из базовых характеристик принадлежности к той или иной расе, так как является квинтэссенцией сразу нескольких фундаментальных морфофизиологических различий между ними. «Хотя простое различие цвета является таким признаком, который представляется наиболее очевидным для всех, тем не менее, люди часто делают замечания о многих небелых расах, которые фактически очень отличаются по множеству морфологических признаков, что «единственное, что их отличает, это цвет их кожи». Едва ли представляется возможным считать, что любой, кто видел австралийского аборигена, меланезийца, бушмена или негра, мог принять такие слова как правду. Они напрямую противоречат не только физической антропологии, но и обычным наблюдениям», – подчеркивает автор.

С эволюционной точки зрения в плане выбора перспективного брачного партнера не меньшее значение, чем цвет внешних покровов, имеют и запахи. У человеческих рас, также как и у видов животных, они очень сильно различаются. Вся современная парфюмерия, по мнению Бейкера, направлена не на унификацию человечества, но на обособление его расово-биологических ветвей. «Привлекательные ароматы подразделяются на две основные категории: те, которые имеют задачу удерживать членов группы особей вместе, и те, которые специально связаны с сексуальной функцией, это видо-распознаватель-

ные ароматы, производимые органами у представителей обоих полов». Причем запахи, производимые самцами, имеют медленно стимулирующее действие, а самками – более направляющее. То есть они ведут самца туда, где находится самка. Различия запахов тела помогают представителям каждой расы определять «своих» и «чужих». Этнографы и путешественники первыми обратили внимание на устойчивое разнообразие запахов у представителей различных рас.

Новая методология

Переходя непосредственно к рассмотрению расовой проблемы, Бейкер подчеркивает, что физическая и социальная антропология весьма далеки друг от друга, что в корне неверно и создает множество проблем при изучении вариаций человеческого рода. Каждой расе, по мнению ученого, присущи прежде всего так называемые «типичные формы», передающие всю гамму многообразия физических признаков и сводимые к устойчивым наследственным комбинациям, по которым без труда можно отделить одну группу людей от другой. И цвет кожи в данном случае является лишь одним из многих характерных внешних признаков, обусловленных различиями в генетике рас. Череп и скелет также включают в себе характерные группы признаков, на основе измерений которых физические антропологи и составляют расовые классификации народов Земли с целью их точной идентификации. Бейкер особо останавливается на факторах изоляции и гибридизации, как наиважнейших в процессе расообразования.

Мы не будем здесь пересказывать описание признаков основных рас, составленное Бейкером, ибо это сделано им столь наглядно и мастерски, что не нуждается ни в каком толковании, и пусть читатель сам получит удовольствие от ясности и доступности изложения столь сложной дисциплины, как физическая антропология.

Важно отметить другое. Основная задача, поставленная автором, была в этой части выполнена полностью, ибо метод изложения, предложенный в ней с учетом аудитории неспециалистов, давал наглядное описание физических признаков человеческих рас и даже, кажется, совершенно невнимательные люди уже должны были бы понять, чем, например, череп лапландца отличается от черепа китайца. И все это описано, хотя и достаточно подробно, но без излишнего наукообразия, столь пугающего несведущего читателя, при этом с огромным количеством исторических примеров, ссылок на классическую литературу и перемежается натурфилософскими рассуждениями с неброскими пассажами утонченного английского юмора, так, что весь огромный том «Раса» Джона Р. Бейкера невольно превращается в образчик занимательной литературы. По меткому выражению самого автора, он всеми силами пытался укор-

тить книжную полку, на которой должны стоять все необходимые труды с описанием природы человека. И в этом, несомненно, заключена особая ценность монографии.

Сам метод описания признаков является комплексным, чтобы никто не смог впасть в заблуждение и на основе лишь одного из них идентифицировать тот или иной этнический таксон. Однако на фоне этой композиции признаков, существуют признаки, которые выполняют функцию расоразграничительных, которые облегчают задачу, с одной стороны, но существуют также и факторы исторической метисации рас, которые, с другой стороны, приводят к хаотическому распределению этих признаков. Для подтверждения и лучшей иллюстрации положений своей концепции Бейкер активно привлекает данные священных книг, этнической мифологии, археологии и палеоантропологии, создавая таким образом единую картину расовой истории человечества в целом. Он методично объясняет, откуда у той или иной этнической группы лиц возникли те или иные биологические и антропологические признаки. Общие рассуждения об эволюции, которыми так любят бравировать недобросовестные ученые, его усилиями превращаются в математические функции вариаций расовых признаков с точной их датировкой и ориентацией их во времени и пространстве, но мастерская художественность сохраняется в любом случае. Это воистину захватывающий и правдивый роман, живописующий многосложные приключения рас.

Мы полагаем, что наше сравнение книги «Раса» с антропологическим романом не является надуманным, ибо автор как Мастер больших форм в своем эпическом повествовании описывает не только внешние признаки главных персонажей, но также детально рассматривает нюансы их психической организации, ментальных способностей и нравственных принципов. Справедливости ради нужно отметить, что в этом вопросе он не был новатором, ибо первая научная классификация рас была составлена гениальным шведским естествоиспытателем Карлом Линнеем еще в XVIII веке и основывалась также на триединстве физических, психических и моральных черт. Дж. Р. Бейкер как академический ученый хотел лишь показать верность магистрального пути развития всей антропологии, но сделал это с большим размахом. Не случайно в связи с этим выбрано и название труда – просто «Раса», так как раса – это всеобъемлющее понятие. И рассматривать ее проявления нужно от уровня формы черепа и запахов тела до специфики брачных отношений, религиозных пристрастий и даже массовых суеверий, поскольку все это многообразие обусловлено генетически. Уровни бытия взаимосвязаны, и только Мастер, каким был английский ученый, способен увидеть нерасторжимую связь расовых эманаций. Только Мастер способен выделить из повседневной действительности простейшую деталь, на которую никто не обращает внимания, и объяснить ее сущность и назначение в жизни расы; ее ранг в сложной партитуре эволюции, которую та прошла. Ранние увлечения Бейкера математикой, эстетикой и биологией здесь проявились во всем своем совершенстве.

Количественные параметры и качество человеческого материала

Совокупным и универсальным мерилom самодостаточности расы являются ее достижения, которые находятся в прямой зависимости от величины показателей интеллекта и когнитивных способностей ее представителей. Эти параметры поддаются тестированию на основе всевозможных методик, опыт применения которых насчитывает уже более 100 лет. Интеллект и когнитивные способности являются наследственно обусловленными, всецело детерминированными расовой принадлежностью личности. В процессе практических измерений неоднократно было доказано, что расовая метисация напрямую сказывается на результатах тестов. Разнорасовые гибриды показывают некие средние величины интеллекта, в зависимости от исходных величин интеллекта родителей, принадлежащих к разным расам. Даже народная мудрость подмечает, что в смешанных популяциях одна кровь повышает интеллект, а другая, напротив, – понижает, что самым фатальным образом сказывается на исторической судьбе целых народов. И примеров тому несть числа.

Наличие собственной «цивилизации» или говоря современным языком «культуры», сплетающей в едином ансамбле все достижения расы, является наиболее характерным ее эволюционно-биологическим маркером. Но для этого, по мнению Бейкера, необходимо реалистичное отношение к тому, что мы подразумеваем под словом «цивилизация». Современные культурологи специально заводят дискуссию по этому вопросу в тупик, сознательно приклеивая абстрактный термин «культура» к явлениям совершенно различного ранга и характера, словно оперы Вагнера и биения зулусских тамтамов – это нечто равнозначное и равноценное. Комментировать эту современную идеологическую провокацию, способную поколебать лишь несамостоятельные умы, мы даже не считаем нужным. Чтобы повисить котировки примитивных «культур» на биржах современного искусства недавно изобрели еще один ничем не обеспеченный ваучер под названием «этника». Салоны, торгующие жалкими поделками в этническом духе, последнее время множатся с интенсивностью пунктов обмена валюты. Сам термин «этника» окончательно стирает границы между такими эволюционными категориями, как «дикость», «варварство» и «цивилизация», на которых всегда зиждилось здание классической исторической культурологии. И пропасть между этими фазами эволюции не поддается нивелировке на практике, но только в воспаленном сознании ангажированных искусствоведов.

Чтобы покончить с этими спекуляциями безответственных гуманитариев, Бейкер, суммируя опыт предшествовавших исследователей, вводит собственную градацию, состоящую из двадцати одного биологического критерия цивилизации. По мнению ученого, только при выполнении всех этих условий раса или этнический таксон могут считаться цивилизованными. Древние майя и ацтеки создали изощренную теологию и предельно математизированную астрологию,

но при этом у них не хватило ума изобрести колесо, поэтому, согласно систематике Бейкера, им навсегда отказано в обладании самостоятельной цивилизацией. Неистовые культы, сопровождавшиеся бесчисленным количеством жертвоприношений, еще более отдаляют эти народы от права на причастность к цивилизации. История наглядно показывает, что не только отдельные народы, но и целые расы на протяжении всего своего существования могут совершенно не утруждать себя изнурительной гонкой цивилизационного строительства, предпочитая паразитировать на достижениях других. И такое положение вещей наблюдается из поколения в поколение, поскольку над ним довлеет генотипический фатум расы. Первоначальный импульс к созданию типа цивилизации в лоне каждой расы вообще не имеет никакого рационального объяснения с точки зрения влияния окружающей среды, так как мотивирован лишь кровью, которая, вопреки всему, возжелала проявить и увековечить себя только в такой стилистической манере и никак иначе.

Все центры мировой цивилизации совершенно непохожи друг на друга, ибо созданы различными исходными расами. Исследуя зарю цивилизации на примере шумеров, аккадцев, Бейкер определяет расовый тип ее создателей, и то же самое – на примере древних египтян, индусов и греков. Результаты раскопок в совокупности с изображениями на барельефах не оставляют и тени сомнения, так как у истоков всех древних типов цивилизаций стоял один и тот же расовый биотип – гипердолихоцефальный европеоид, сегодня наиболее часто представленный среди нордической и средиземноморской рас. Брахицефальная примесь везде сопутствует уже на устойчивых этапах развития того или иного типа цивилизации. И это тоже стабильное историческое правило.

«Не может быть никаких сомнений в том, что цивилизации всегда зарождались и развивались за счет присутствия в популяции небольшой группы очень талантливых людей. Было бы неправильно полагать, что цивилизация развилась там, где окружающая среда была благожелательна, и напротив люди были не в состоянии развиться там, где среда не благоприятствовала им. В действительности, может быть справедливее утверждать обратное. Специалистами указывалось, что цивилизация достигает своего апогея в той части территории, в которой окружающая среда была наименее благоприятна, где цивилизация, как и люди, отвечают на вызовы», – подчеркивает Бейкер.

Свой монументальный труд ученый закончил цитатой из сочинений Руссо: «...Мы должны научиться узнавать людей через их сходства и различия».

Генетический фатализм

Майкл Кенни – современный канадский исследователь жизни и творчества Джона Рэндалла Бейкера – удивительно точно назвал его «основоположником генетического фатализма». Причину возникновения такого определения следует рассмотреть особо.

На протяжении всей своей жизни ученый увлекался идеями евгеники, а его академическая карьера продлилась сорок пять лет. С 1922 по 1967 годы он был членом кафедры зоологии Оксфордского университета; в 1925 году был принят в члены Британского Евгенического общества; в 1936 году предоставил руководству Общества автобиографическую справку, в которой, помимо генеалогического фамильного древа, так описывал некоторые черты своего характера: «Я мало забочусь о традиционной морали или о том, что ассоциируется с традиционной моралью. Я притворяюсь более утонченным глупцом, чем я есть на самом деле, так, чтобы с помощью дистанции производить впечатление одаренности. Поэтому я совершенно бесполезен для участия в научных комиссиях. Я стремлюсь к субординации, но при этом люблю эксцентричных интеллигентных людей». Его учитель Сэр Джулиан Гексли отзывался о нем просто как «блестяще образованном» молодом человеке. По словам Бейкера, жизненный путь Чарльза Дарвина подтолкнул его к выбору карьеры профессионального ученого-биолога. «Каков человек!» – неустанно восклицал он на протяжении всей своей жизни, приводя факты биографии основателя эволюционной теории.

Расовой проблематикой Бейкер впервые основательно увлекся во время первой экспедиции на Новые Гебридские острова в 1922 году. В своих исследованиях он начал тогда применять такие термины, как «расовая отравка» («racial poison») и «расовая обязанность» («racial obligation») в отношении наследственности. «Расовое скрещивание у людей имеет такое же значение, что и среди домашних животных», – утверждал ученый. Используя свои связи и влияние, он позднее добился того, чтобы секретарем Британского Евгенического общества был избран Карлос Блэкер, Carlos Blacker, – его личный друг и коллега, которому он посвятил свою главную книгу. Он называл Блэкера «либералом, реформатором сознания с социалистическими пристрастиями».

Именно Гексли, Бейкер и Блэкер в 1938 году выступили с программным совместным заявлением о том, что «Человечество должно научиться управлять своей наследственностью». Речь шла об «активизации моральной составляющей в эволюционном процессе». С этого времени и начинается оформление такого направления, как научный гуманизм.

Когда в 1931 году в Лондоне прошел Международный конгресс истории науки и технологии, советскую делегацию возглавлял Н. И. Бухарин, который в своем выступлении с типично большевистской патетикой заявил: «Фетишизация в науке – это один из феноменов современной жизни. Это извращенный идеологический рефлекс в обществе, где разделены ценности рабочего класса и буржуазии».

Для Бейкера и его единомышленников наука всегда обладала суверенной и абсолютной ценностью, без ее разделения на классовые интересы. Это и обо-

значило главный принцип противопоставления идеологических доктрин. Бейкер без устали выявлял скрытых и явных марксистов, которые, по его мнению, составляли основную угрозу целостности свободного британского общества. Защищенные научными регалиями и аристократическими титулами, они все более и более влияли на внутривнутриполитическую жизнь Великобритании, лишая ее многовекового иммунитета аристократических ценностей. Даже с английской Унитаристской церковью у него были значительные трения по поводу увлечения той левой политической риторикой, из-за чего он был вынужден покинуть ее лоно в 1965 году.

Бейкер всегда был активным и деятельным членом Британского Евгенического общества. Так, например, в письме к своему другу Карлосу Блэкеру в 1952 году он писал: «Наша задача состоит в том, чтобы сохранить евгенику до тех дней, когда общество будет менее сентиментальным и, следовательно, оппозиция к ней ослабнет». Лишь в 1960-е годы Бейкер разочаровался не столько в самой науке, сколько в официальной позиции Общества, цели которого имели уже мало общего с первоначальными постулатами, провозглашенными еще Фрэнсисом Гальтоном. Чтобы противостоять натиску леволиберальных идеологов, всячески старавшихся очернить евгенику, Бейкер впервые в 1960-1961 годах замыслил фундаментальное сочинение о расе и огромном комплексе проблем, с нею связанных.

Лавинообразный распад мировой системы капитализма, который пришелся как раз на эти годы, явился еще одной побудительной причиной к написанию труда, так как в нем автор, в целях торжества подлинного гуманизма, постарался разделить сферы политики и науки. Декларации ЮНЕСКО по расовому вопросу всегда вызывали критику со стороны Бейкера, поскольку, по его мнению, в них происходила подмена понятий, злонамеренно или по недоразумению допущенная людьми, далекими от биологии, но силою обстоятельств уполномоченных вершить судьбы целых народов. «Всю свою жизнь я посвятил написанию главной моей книги, с помощью которой хотел всемерно исправить лживую пропаганду вокруг такого важного явления в природе, каковым является раса», – писал Бейкер в 1968 году своему потенциальному издателю в Оксфорде. На что тот в ответном письме не без иронии отмечал: «Господин Бейкер утонченно высокомерен, но ему следовало бы воздержаться от того, чтобы ставить свою книгу в один ряд с главным сочинением Чарльза Дарвина и «Закатом Европы» Освальда Шпенглера». Однако книгу в 1974 году все же издал.

Публикация «Расы» задела один из самых болезненных нервов в обществе, так что британские марксисты назвали ее «губительной и еретической». Она выявила множество яростных критиков и доброжелательных энтузиастов по обе стороны Атлантики. Как профессиональный преподаватель с многолетним стажем, Бейкер принялся собирать рецензии на свое детище, подразделяя их на три категории: враждебные, дружественные и нейтральные. Монография

вызвала сдержанное одобрение у профессиональных антропологов и бурную реакцию неприязни со стороны философов и социологов. Первые назвали ее «классической», вторые – «вызывающе бедной с точки зрения науки».

Издание появилось как раз вовремя, что и обусловило успех. Именно с его помощью генетика буквально вторглась в повседневную жизнь, многие явления которой научились объяснять не на основе сиюминутной конъюнктуры, но на базе математической статистики из области теории наследственности. Доктрины классического либерализма и большинства левых идеологий из-за этого также оказались пересмотренными. Любые проявления политической активности все чаще стали интерпретировать на основе закономерных факторов эволюции.

Именно книга Бейкера стимулировала во всем мире новый этап в развитии интереса к расовой проблеме. Увлечение пресловутым «обмером черепов» уже сошло на нет и началось масштабное изучение генетической специфики расовых различий, в том числе нейробиологических основ интеллекта и наследственных аспектов одаренности.

Наконец, именно Бейкер первым попытался осмыслить роль генетики в глобальных исторических процессах. В этом и состоит поныне непреходящее значение его гениальной работы.

Благодарности оказавшим помощь в реализации проекта

А теперь в заключение расскажем об истории создания этого проекта, ибо, на наш взгляд, это может быть весьма интересно современному читателю.

Автор этих строк вот уже более двадцати лет посвящает изданию классических трудов по расологии, популяризации расовых знаний и формированию научного расового мировоззрения в России вообще. Общеизвестно, что более семидесяти лет, на протяжении всей советской эпохи, никакой культуры расового мышления попросту не существовало. Отсутствовала культура издания книг и иных материалов по теме. Поэтому пришлось проделать поистине титаническую работу, в первую очередь библиографического и источниковедческого характера, чтобы вернуть Россию в сообщество культурных государств, где эта проблема обсуждается свободно как на академическом уровне, так и в самых широких кругах. Как я уже подчеркивал, в западной литературе индекс цитирования основной работы Дж. Р. Бейкера достаточно высок, но у нас в стране консультироваться по данному вопросу было не с кем, так как советские и постсоветские антропологи сохраняли и продолжают сохранять устойчивое пренебрежение к труду английского ученого. Приобретя в интернет-магазине более восьми лет назад оригинал первого оксфордского издания 1974 года книги «Раса», я сразу же осознал все величие и масштаб личности Джона Рэндала Бейкера, актуальность данной работы, а также то, насколько русский

читатель был интеллектуально обобран, и это при том, что английский ученый всегда выказывал самые искренние симпатии к великой русской культуре, справедливо считая себя ее знатоком. Желание восполнить этот пробел в культуре нашей страны родилось почти сразу же, но вот средства к достижению цели были еще весьма недостаточными, и было ясно, что требуются слаженные и скоординированные усилия интернационального коллектива единомышленников-интеллектуалов, знающих подлинную цену данной работы. Ведь нельзя же впервые переводить на какой-либо национальный язык сочинения Канта или Шопенгауэра так же, как бульварное чтиво: без соответствующей подготовки общественного мнения и зондирования заинтересованной читательской аудитории. Каждый драгоценный камень нуждается в соответствующей оправе.

За помощью я обратился к моему другу – профессору психогенетики Джону Филиппу Раштону из Университета Западного Онтарио (Канада), с которым вот уже двенадцать лет мы дружим и давно перешли на «ты». В 2011 году мне посчастливилось издать на русском языке его главную книгу «Раса, эволюция и поведение», выдержавшую уже несколько переизданий на английском языке, а также вышедшую в Германии и Японии. Без преувеличения можно сказать, что в мировой табели о рангах среди современных ученых, изучающих расовую проблему, это специалист номер один, и я очень дорожу нашей дружбой. Прекрасно понимая всю сложность задачи, а также степень невежества в области антропологии даже весьма образованных людей в России, которые поколениями проходили процедуру обязательной стерилизации расового мышления, он, тем не менее, начал терпеливо в процессе нашей интернет-переписки преподавать мне мастер-класс для тех, кто сегодня в обстановке диктатуры политкорректности осмеливается, вопреки воле держащих науку под уздцы грантодателей, заниматься изучением расовых различий, а главное, профессионально издавать литературу по данному вопросу. Это было необходимо мне и как первому русскому расовому мыслителю, и как первому русскому менеджеру классической расовой теории в постсоветскую эпоху. За это я выражаю Дж. Филиппу Раштону самую искреннюю благодарность. Ну, а чтобы соблюсти букву закона и придать легальность всем моим инициативам, он сразу же порекомендовал мне обратиться в Фонд изучения человека (Fond for Human Understanding), который был основан еще в 1971 году профессором Робертом Трэвисом Осборном и базируется в городе Афины, штат Джорджия (США). После рекомендации Джона Филиппа Раштона, его руководство в письменной форме на бланке уведомило, что мне на безвозмездной основе предоставляются права на книгу «Раса» Джона Рэндалла Бейкера для издания ее на русском языке. Всему руководящему составу Фонда я также выражаю признательность за этот щедрый дар и юридическую поддержку.

Однако самым радикальным образом ситуация изменилась в 2007 году, когда в ноябрьском номере консервативного философского журнала «Америкэн Ренессанс» его главный редактор Джаред Тейлор опубликовал большую статью

о моей научной и просветительской деятельности, дав таким образом возможность всем желающим связаться со мной напрямую. Журнал этот имеет очень высокий статус среди интеллектуалов во всем мире, и, благодаря данной публикации, я почти в одночасье стал известен как исследователь в англоговорящем мире. Ящик моей электронной почты буквально разрывался от обилия сообщений, так как для цивилизованного мира оказалось шокирующим открытием, что в России существует собственная школа расовой мысли, которая ведет свою родословную с дореволюционных времен. Даже весьма информированные люди за рубежом полагали, что у нас в стране существует лишь традиционная «всечеловеческая» литература, в духе Пушкина, Толстого, Достоевского, Солженицына. Большевики, придя к власти, умело слепили сусальный образ Матушки-России, и русским людям на протяжении нескольких поколений отказывали в праве на обладание собственным расовым сознанием. С крахом коммунизма исчезла наконец-то и эта злобная традиция.

Многие возникшие в результате этой публикации контакты оказались для меня очень полезными и перспективными. Книгоиздатели, философы, политики, академические ученые и журналисты сразу же стали предлагать участие в совместных проектах. Многие авторы проявили инициативу и заинтересовались перспективами издания своих книг в России и, как само собою разумеющееся, начали предоставлять на безвозмездной основе права на свои сочинения. Конечно, я не преминул воспользоваться этой возможностью, расширяя собственный кругозор и повышая эрудицию отечественного читателя, полностью лишенного культуры классической литературы по расовому вопросу, которая в советскую эпоху безо всякого разбора очернялась одним словом «расизм», имеющим отрицательную стилистическую окраску. Развал СССР и череда этноконфликтов на его территории заставили многих трезво осмыслить ситуацию.

Перечислим теперь основных персон, чье участие в данном проекте оказалось поистине провиденциальным. Первым свои услуги предложил живой классик современной английской психологии профессор Королевского Университета в Эдинбурге Кристофер Брэнд, который, прекрасно понимая мою неискушенность и даже наивность во многих вопросах, принялся со стоическим терпением гида-переводчика водить меня по всем лабиринтам чопорного англосаксонского академического мира. Как опытный играющий тренер, после очередной порции нравоучений он постоянно выводил меня на ударную позицию, чтобы обращение в ту или иную инстанцию исходило от меня. Его мастер-класс по использованию характерных речевых оборотов, которые нужно использовать при обращении в Английские Королевские научные общества, на мой взгляд, следует преподавать в дипломатических академиях.

Другой столп современной английской психологии, его друг и коллега, также профессор Королевского Эдинбургского университета Ричард Линн, невзирая на свой преклонный возраст, по собственной инициативе принялся обучать

меня искусству общения со старой гвардией – пожилыми выпускниками элитарных английских университетов, научив меня распознавать ароматы каждого из них. Это был следующий спецкурс, без которого никакая деятельность, связанная с историей науки, вообще невозможна. На десерт Р. Линн подарил мне права на свою популярную книгу «Расовые различия в интеллекте», которую я в знак благодарности к Учителю издал на русском языке в 2010 году. Он и дальше продолжает одаривать меня книжными новинками в этой области.

Англосаксонский мир делится на представителей западного и восточного полушарий, и каждая часть имеет свою историческую специфику. Восьмидесятичетырехлетний Карл Кун – сын классика американской физической антропологии Карлтона Стивенса Куна – посвятил меня в таинства старинной американской научной школы, а также в знак уважения к русскому народу подарил мне права на издание всех сочинений своего отца в России, чем я также не преминул воспользоваться, опубликовав в 2011 г. фундаментальный шедевр «Расы Европы», который оказал огромное влияние на формирование расологии в XX веке вообще. Книги Куна до этого у нас также не издавались, а упоминания о нем были весьма скудными и неадекватными его роли в науке, что, впрочем, неудивительно для советской антропологии, проникнутой терпким духом грубой марксистской казенщины.

Спешу выразить также особую благодарность Доктору Александру Бежану, директору психометрической лаборатории при частном христианском Бейлор Университете в городе Вако, штат Техас (США), за предоставление мне уникальных архивных биографических данных о жизни Джона Рэндалла Бейкера.

Другой известный профессиональный психометрист Билл Саммерс из города Манхеттен, штат Канзас (США), подарил мне американское издание книги английского ученого, которое, в силу более высокого полиграфического качества, очень помогло в работе над иллюстративным материалом. Кроме того, он посвятил меня во многие тайны функционирования современной западной науки, которые не могут являться предметом обсуждения в открытой печати. Антропология, биология, генетика, психология – словом, весь комплекс наук о природе человека проникнут мириадами условностей, непостижимых для «непосвященных». И дело даже не в липкой и вездесущей пелене политической корректности, опутавшей сознание всех мыслящих людей за последние пятьдесят лет, сколько в самовоспроизводимых принципах цеховой солидарности, которые, словно пресловутые китайские церемонии, имеют собственную непреходящую ценность для тех, кто играет в эти игры.

Мои добровольные помощники со всего Света, осознавая явные преимущества моей позиции «свободного мыслителя», помноженные на неуязвимость «свободного издателя», не скрывали, что завидуют мне белой завистью и всячески благословляли мое начинание, открывая свои потаенные кладези закрытых знаний. Я в неоплатном долгу перед всеми.

Как же быстро растворился без остатка миф об англосаксонской чопорности, надменности и снобизме, потому что все перечисленные ученые вели себя со мной на протяжении нескольких лет как близкие друзья или даже близкие родственники.

Доктор Себастьян Джоб из Университета Западного Сиднея в Австралии, как более молодой человек, добровольно взял на себя функцию координатора действий сподвижников науки, разбросанных по разным континентам.

Его четкие и молниеносные операции в информационном пространстве подчас напоминали функционирование биржевого маклера, и без его профессионализма весь проект не имел бы такой конструктивной завершенности. Именно ему я обязан ценнейшим контактом с Библиотекой Нового Колледжа в Университете Оксфорда. Я также выражаю признательность руководству этого учреждения за предоставленные мне уникальные документы и фотографии, отражающие пребывание Бейкера в его стенах.

Возможности интернета, а также целая вереница рекомендаций, которая буквально предвляла каждое мое новое обращение в ту или иную инстанцию или к частному лицу, сотворили чудеса, и мне посчастливилось вступить в контакт с сыном английского ученого Гилбертом Бейкером и внуком его жены Елены от первого брака – Стивом Сэвиджем, которые, вняв моим извинениям за посягательство на чужую частную жизнь, сочли возможным поведать мне некоторые семейные тайны, которые, несомненно, украсили первую русскую биографию Бейкера, при этом отсутствуя в его западных официальных описаниях жизни.

Ну и, наконец, в завершении перечисления персон, которым я бесконечно признателен за помощь в осуществлении проекта, я хотел бы отдельно поблагодарить моего друга кандидата исторических наук Михаила Юрьевича Диунова, проделавшего поистине титанический труд по переводу книги «Раса» на русский язык. Это уже второй наш с ним вполне успешный проект; первым была книга Карлтона Стивенса Куна «Расы Европы», которая несмотря на свой внушительный объем и строгую академичность, оправдала все финансовые затраты, поскольку легко разошлась в магазинах даже в условиях современной тяжелой ситуации на рынке книжной продукции. Являясь не просто профессиональным переводчиком многосложной биологической литературы, каковых можно сосчитать по пальцам одной руки, он также является самобытным расовым мыслителем. Мало того, в работе над текстом Бейкера он проделал также огромную работу литературного редактора, передав легкость и образность стиля автора, а также едва уловимые красоты уточненного аристократического английского юмора. А это, как говорят в авиации, уже высший пилотаж. Поэтому, как я надеюсь, данная эпохальная книга, невзирая на обилие и сложность информации, будет читаться как хороший добротный роман.

Совершенно уверен, что этот наш совместный интернациональный и достаточно амбициозный проект обречен на успех, и точно победный шар, должен закатиться в лузу общественного внимания наших читателей. Повышать культуру русского народа нужно именно с помощью сочинений такого ранга, ведь народ, не способный мыслить биологически, не имеет исторического будущего.

Следует также подчеркнуть, что это не наше частное мнение о месте и значении Джона Рэндалла Бейкера в науке и, шире, научном мировоззрении современной эпохи. Можно смело утверждать, что во всем мире к нему сейчас поднимается целая волна нового интереса, что лишний раз доказывает меру его таланта. В качестве иллюстрации мы в приложении даем статью нашего большого друга Джаред Тейлора, главного редактора журнала «Америкэн Ренессанс», «Истинность «Расы», опубликованную в ноябрьском номере журнала за 1993 год.

После успешного издания книги «Раса» в Англии в 1974 году, она вышла в США в 1981 году, недавно переведена на немецкий язык, что лишний раз свидетельствует о научной беспристрастности и отсутствии экстремистской направленности автора. Переиздано многотомное теоретическое сочинение Бейкера о паразитологии, а также его популярная книга «Биология в повседневной жизни». Наконец, в 2012 году крупный современный расовый мыслитель Артур Кемп осуществил в Англии новое издание книги «Раса», сопроводив его многочисленными дополнениями. Поэтому, на наш взгляд, первая публикация данного труда на русском языке всецело отражает общемировую тенденцию. Это позволяет надеяться, что Россия все еще является, по крайней мере, одной из самых читающих стран, где в чести высококачественная научная литература. Одним словом, читайте и наслаждайтесь – это расология из Оксфорда. И, как гласит ежедневная телевизионная реклама, это настоящее английское качество.

Библиотека Велесова Слобода, 2018 г.